

**Институционализованный индивидуализм в постколлективистском Китае:
концепция Сандры В. Константин**

Наталья Петровна Копцева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, nkoptseva@sfu-kras.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3910-7991>

Аннотация. В статье анализируется современная теория институализированного индивидуализма как процесса социализации, характерного для современного Китая. Известный специалист мирового уровня в области скрытого социального неравенства, профессор Женевского университета (Швейцария) Сандра В. Константин в монографии «Перспектива жизненного пути китайской молодежи. От трансформации социальной политики к индивидуализации перехода к взрослой жизни» исследует специфические условия и закономерности ряда социальных процессов современной китайской молодежи. Рассматривая индивидуализацию как закономерное явление экономики и культуры модерна, Сандра В. Константин указывает на целый ряд исторических и политических особенностей Китая, которые делают индивидуализацию китайской молодежи существенно отличающейся от аналогичных процессов в молодежной среде других стран. Индивидуализация молодежи современного Китая происходит в социально-экономическом пространстве, которое по-прежнему контролируется партийно-государственными структурами Коммунистической партии Китая, одновременно КПК на современном этапе делает индивидуализацию молодежи одним из идеологических принципов, возлагая на молодых людей личную ответственность за их успешность и за риски достижения или недостижения этой успешности. При этом, начиная с политики реформ и открытости, созданные в маоистскую эпоху коллективистские институты разрушены, и идеология маоизма также не является более базовой для мировоззрения молодых людей, что позволяет Сандре В. Константин характеризовать современное китайское общество как «постколлективистское» и «постмаоистское».

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, китайская молодежь, индивидуализация, китайское общество, социальное неравенство

Institutionalized Individualism in Post-collectivist China: concept by Sandra V. Constantin

Natalia P. Koptseva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, nkoptseva@sfu-kras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3910-7991>

Abstract. The article analyzes the modern theory of institutionalized individualism as a process of socialization characteristic of modern China. A well-known world-class specialist in the field of latent social inequality, professor at the University of Geneva (Switzerland) Sandra V. Constantine in her monograph «A Life Course Perspective on Chinese Youths. From the Transformation of Social Policies to the Individualization of the Transition to Adulthood» examines the specific conditions and patterns of a number of social processes of modern Chinese youth. Considering individualization as a natural phenomenon of the economy and culture of modernity, Sandra V. Constantine points out a number of historical and political features of China that make the individualization of Chinese youth significantly different from similar processes in the youth environment of other countries. Individualization of youth in modern China occurs in the socio-economic space, which is still controlled by the party and state structures of the Communist Party of China, at the same time, the CPC at the present stage makes individualization of youth one of the ideological principles, placing personal responsibility on young people for their success and for the risks of achieving or failing to achieve this success. At the same time, since the reform and opening up policy, the collectivist institutions created in the Maoist era have been destroyed, and the ideology of Maoism is no longer fundamental to the worldview of young people, which allows Sandra V. Constantine to characterize contemporary Chinese society as “post-collectivist” and “post-Maoist”.

Keywords: People's Republic of China, Chinese youth, individualization, Chinese society, social inequality

Высокодинамичное социально-экономическое и культурное развитие современного Китая вызывает повышенный интерес у представителей различных социально-гуманитарных дисциплин. В настоящее время проводятся различные социологические и культурологические исследования современных социальных групп и сообществ, где, с одной стороны, подчеркивается появление принципиально новой предметности, новых групп, новых страт, сообществ, которые находятся в процессах постоянных трансформаций, а с другой стороны, конкретизируется методология их исследований, в том числе, в контексте влияния на процессы социальной стратификации новых технологий, связанных с интернетом, цифровизацией, искусственным интеллектом.

В данных актуальных контекстах представляется значимым рассмотреть наиболее яркие изменения в современном китайском обществе, прежде всего, в аспекте трансформаций, которые происходят в молодежной среде, поскольку именно сегодняшние молодые люди в самое ближайшее время войдут в важнейшие управленческие структуры, станут лидерами разнообразных сообществ, включая сетевые, которые будут определять подавляющее большинство социально-экономических, политических и культурных процессов Китая XXI в.

В 2024 г. в издательстве Springer была издана книга «A Life Course Perspective on Chinese Youths. From the Transformation of Social Policies to the Individualization of the Transition to Adulthood» (рис.1) авторства Сандры В. Константин (рис.2), книга была размещена в открытом доступе (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-57216-6#toc>) в виду крайней актуальности и своевременности данного исследования и доступна в настоящее время всем желающим ознакомиться с результатами исследований одного из ведущих экспертов в области мировой социологии, представителя Женевского университета (Швейцария).

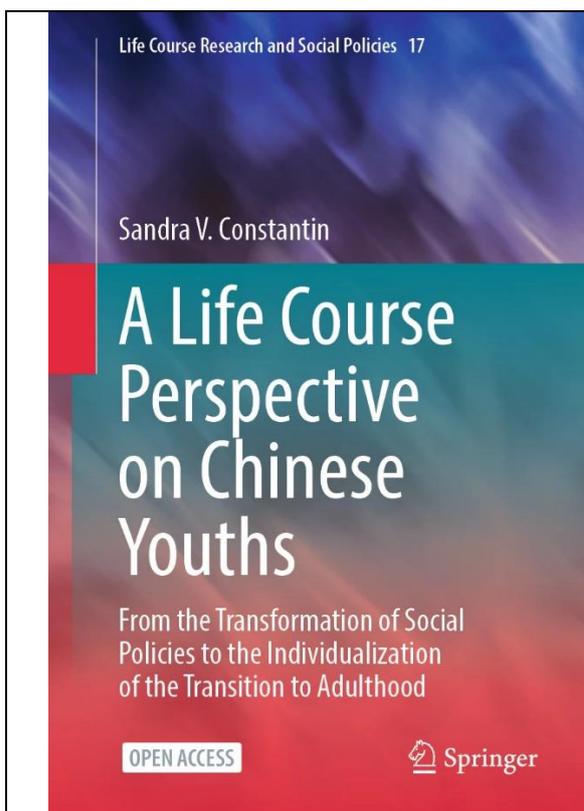

Рис.1. Обложка монографии «A Life Course Perspective on Chinese Youths From the Transformation of Social Policies to the Individualization of the Transition to Adulthood». Источник изображения:

Рис.2. Сандра В. Константин, профессор социологии Женевского университета (Швейцария). Источник изображения: <https://genderexperts.org/experts/71261-sandra+v-constantin/>

На сайте издательства Springer о Сандре В. Константин сказано следующее:

«Сандра В. Константин — социолог, специализирующийся на социальной политике. Она получила докторскую степень в Женевском университете, Швейцария. Во время обучения в докторской степени она была членом Швейцарского национального центра компетенции в области исследований LIVES — Преодоление уязвимости: перспективы жизненного цикла. Ее исследовательские интересы и экспертные знания сосредоточены на анализе социальной политики и неравенства. Ее постдокторское исследование сосредоточено на семейной политике, гендере и уходе. Член COST Action (CA) «Who cares in Europe», она также исследует, как требования социального обеспечения со стороны семей формируют как добровольные действия, так и государственные положения. Как член правления исследовательской сети 14 Европейской социологической ассоциации (ESA) — Гендерные отношения на рынке труда и государство всеобщего благосостояния — она занимается переосмыслением государства всеобщего благосостояния с точки зрения гендера» (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-57216-6#toc>).

Ранее этот исследователь занимался уже проблемами социальной стратификации в современном Китае. В зоне внимания С.В. Константин были проблемы неформальной занятости в Китае в контексте подобных же процессов, характерных для глобальной экономики в целом (Constantin, 2016).

Новая книга С.В. Константин имеет достаточно обширную структуру и состоит из 10 глав, собранных во введение, 3 основных раздела и заключение:

Введение;

Раздел 1:

- 1 Институционализованный индивидуализм в постколлективистском Китае;
- 2 Дискурс сучжи как структурный компонент институционализованного индивидуализма в постмаоистском Китае;
- 3 Взгляд на процесс индивидуализации в постколлективистском Китае с точки зрения жизненного цикла;

Раздел 2:

- 4 Изучение путей к взрослой жизни;
- 5 Рост новых социальных рисков в постколлективистском Китае;

Раздел 3:

- 6 Отсрочка создания семьи из-за нестабильности занятости;

- 7 Стремление молодежи к близости в постколлективистском Китае;
 - 8 Как процесс индивидуализации влияет на межпоколенческую солидарность?
- Заключение

Даже судя по заголовкам, можно сделать вывод о том, что в зоне внимания С.В. Константин находятся определенных социальные риски, а главными метафорическими характеристиками современного Китая она называет «постколлективизм» и «постмаоизм», что само по себе представляется интересным в контексте понимания актуальных китайских процессов.

Первая содержательная глава монографии включает описание подходов к исследованию этого быстро трансформирующегося общества, а также здесь дается характеристика важнейших социальных процессов, которые происходят в Китае, начиная с 1970-х гг. Данная глава также имеет определенную структуру:

- 1 Разновидности индивидуализации;
- 2 Индивид и тень предков в домаоистском Китае;
- 3 Индивид и коллектив в маоистском Китае;
- 4 Рост индивидуализма в постмаоистском Китае.

Данные названия свидетельствуют о том, что за основу структурирования взяты как исторические эпохи, так и мировоззренчески-идеологические парадигмы, которые определяли или определяют в настоящее время базовые социально-психологические и социально-идеологические установки целостного китайского общества. Центром этих установок с позиции автора является маоизм, поскольку исторические формы идеологии, предшествующие ему, называются «домаоистскими», а современные – «постмаоистскими».

Рассмотрим содержание главы 1 и ее структурных подразделов более подробно.

1 Разновидности индивидуализации

«Индивидуализм — многозначное понятие, которое сформировалось в начале XIX в., чтобы охарактеризовать первую европейскую современность. Хотя авторы различают несколько форм индивидуализма, в коллективном воображении эта концепция остается негативно окрашенной. Она часто ассоциируется с экономическим неолиберализмом и конкуренцией между людьми, что может привести к тому, что люди станут замкнутыми, эгоистичными и равнодушными к другим. Однако индивидуализм также относится, в частности, к достоинству и святости личности, к автономии и способности действовать суверенно, к уважению частной интимности и саморазвитию.

По мнению сторонников теории индивидуализации, под влиянием глобализации традиционные социальные якоря рушатся и растворяются. Индивиды постепенно отрываются от семьи, традиций и коллектива, которые предписывали им способы действия и их поведение. Это отсоединение индивидуальных жизненных путей от традиционной социальной структуры имеет следствием воздействие на отношения, которые индивид поддерживает с социальным. В то время как индивиды получили контроль над своим жизненным путем, освободившись от некоторых социальных детерминант, они также стали ответственными за успехи и неудачи, с которыми они столкнулись на своем жизненном пути. Аналогичным образом, индивидуальная автономия, полученная по отношению к семье и коллективу благодаря развитию европейского государства всеобщего благосостояния, имеет следствием большую зависимость индивидов от институтов (школ, социального страхования и т. д.). Эти институты способствуют (ре)структурированию жизненного пути, налагая новые ограничения и требования, иногда противоречащие друг другу. Индивидуализация представляет собой, в этом смысле, сложный процесс социализации, поскольку иногда она опирается на противоречивые предписания.

В Европе, как и везде в мире, этот исторический процесс социализации является результатом не свободного выбора индивидов, а трансформации обществ. Европейские государства всеобщего благосостояния и предоставляемые ими блага, как правило, акцентируют и стандартизируют временность биографических траекторий. Однако с 1970-х гг. этот «социальный компромисс» постепенно подрывается. Рост безработицы и нестабильность условий труда заставляют работников быть гибкими. Поэтому индивиды призваны стать рефлексивными. Это продвижение «биографической модели» или «биографизации». Другими словами, люди должны стать «предпринимателями своей собственной жизни», делая необходимый выбор и иногда перестраиваясь в своей карьере, своих хобби или даже своей эмоциональной жизни. Эта форма свободы «нестабильна», поскольку люди вынуждены ориентироваться в контексте, определяемом социально-экономическими и политическими структурами, и у них нет уверенности в ожидаемых эффектах своего выбора. Более того, не все одинаково вооружены, чтобы справиться с требованием рефлексивности. Некоторые лучше других наделены объективными ресурсами (экономическим капиталом, культурным капиталом и социальным капиталом), на которые они могут полагаться при принятии своих решений. Следовательно, это способствует поддержанию или даже усилению социального неравенства, которое становится менее заметным, поскольку процесс индивидуализации имеет тенденцию придавать индивидуальную окраску системным социальным проблемам.

В Китае также присутствует процесс индивидуализации. Как будет показано в следующих разделах, вопреки общепринятой идее о том, что в домаоистском Китае индивид подчинялся группе и что коллективные интересы преобладали над индивидуальными, в это время уже существовали формы индивидуализации, даже если взаимозависимости между индивидами оставались сильными и осуществляли жесткий контроль над ними. Аналогично, в маоистском Китае, несмотря на коллективистскую экономическую и социальную политику, некоторые политики парадоксальным образом способствовали индивидуализации. Эти социальные поля, которые были индивидуализированы, в некоторой степени послужили постколлективистскому проекту три десятилетия спустя» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57216-6_2).

Таким образом, в данном разделе рассматривается содержание понятия «индивидуализации» и его историческая динамика. Индивидуализация – это аспект социализации, характерный для современной эпохи, когда ослабевают традиционные социальные предписания и связи и одновременно возникают социальные институты, которые определяют индивидуальный выбор. При этом социальное неравенство затушёвывается, становится менее заметным за индивидуализированным человеком. Для современного Китая также характерны социальные процессы, связанные с индивидуализацией, однако источником их являются как социально-экономические трансформации эпохи модерн, так и социально-культурные особенности домаоистского Китая.

2. Личность и тень предков в домаоистском Китае

«Под домаоистским периодом понимается исторический этап, охватывающий период с момента окончания двух Опиумных войн, предшествовавших падению маньчжурской династии в 1911 г. и провозглашению Китайской Республики 1 января 1912 г., до основания Китайской Народной Республики (КНР) 1 октября 1949 г.

По словам китайского социолога Фэй Сяотуна, домаоистский Китай никогда не был ориентирован исключительно на группу. Он объясняет, что традиционно он был сосредоточен на личности и соткан из сетей, созданных из личных отношений (гуаньси), связывающих личность с другими людьми в нескольких направлениях и помещающих в каждый реляционный контекст индивидуальные и конкретные моральные обязательства. Индивиды были взаимозависимы и сохраняли форму автономии. Помимо отношений отца и сына, для которых социальные отношения были предписаны фиксированным статусом и обязанностями, у людей была свобода выбирать, вступать или нет в социальные отношения,

и определять свои собственные роли и роли других, а также границы групп, вокруг которых они вращались.

В этой общественной организации индивиды развивались в сети социальных отношений, где они были эмоционально привязаны к обязательствам, определяемым этими отношениями. Это внедрение социальных отношений было призвано поддерживать и гарантировать социальную стабильность. Эта организация социальных связей встречается в учении Конфуция, который описывает пять основных отношений: сын/дочь, муж/жена, отец/мать, брат/сестра и друзья. Поэтому индивидуум вынужден определять себя больше в терминах своих отношений с другими, чем через себя. Если формы индивидуализма могли существовать в то время, они были сильно интериоризованы и не могли быть напрямую выражены в обществе.

В домаистский период идеалом были большие семьи. Поэтому семьи нуклеарного типа не рассматривались как независимые единицы. Социальная стабильность обеспечивалась институционализацией взаимозависимых социальных сетей. Другими словами, социальная стабильность обеспечивалась посредством законной патриархальной власти в семейной сфере, власти старейшин в деревнях и социального контроля, осуществляемого знатными людьми. В системе норм и ценностей того времени отношения между отцом и сыном были основополагающими для продолжения семейной линии. Они служили связующим звеном между предками (по отцовской линии) и потомками той же семейной линии. Организация этой системы была принципиально неравной, поскольку законно признавалось, что мужья имели более высокий статус, чем их жены, а братья, чем их сестры. Романтической любви было очень мало места. Браки действительно обычно устраивались родителями. В этих договоренностях роль жены заключалась в продолжении семейной линии (по отцовской линии).

Именно в противовес этой организации общества с 1910-х гг. в китайской интеллектуальной мысли возникло понятие «идеального человека». По мнению интеллектуалов того времени, модернизация страны должна была пройти через фундаментальные изменения в «национальном характере». Две Опиумные войны (1842 и 1860), ознаменовавшие начало иностранного присутствия в Китае, действительно подчеркнули социально-экономическую отсталость Среднего государства по сравнению с недавно индустриализированными западными державами. После этих войн среди населения распространилось чувство унижения, кризиса и национального распада.

Часть интеллигенции затем обратилась к Европе и Японии, чтобы найти решения для быстрой модернизации страны. «Китайский национальный характер», характеризующийся политическим безразличием, смирением с судьбой и властью,

отсутствием индивидуальной инициативы и сопротивлением социальным изменениям, был осужден. Труды Лян Цичао ознаменовали реформистское движение того времени. Он поддерживал идею о том, что должен был родиться новый тип личности/гражданина (xinmin), чтобы позволить стране модернизироваться. Этот новый китайский гражданин должен был характеризоваться «сильным чувством национализма и патриотизма, духом приключений, осознанием личных прав и свободы, чувством автономии, самоуважением, способностью формировать сплоченное сообщество, настойчивостью, чувством ответственности, милитаристским менталитетом, общественной этикой и личной моралью» (Huang, 1972: 63). «Отмена» традиционной модели семьи и традиционных социальных связей, унаследованных от конфуцианской мысли, тогда рассматривалась как одно из условий модернизации страны. В редакционной статье в журнале The China Progress Лян, в частности, заявил о «гендерном равенстве, открытии школ для женщин и отмене бинтования ног» (Cheng, 1997 :624).

Это реформистское движение постепенно набирало влияние, и оно поставило в Китае «необычайно остро и настойчиво» проблему автономии личности по отношению к государству (Fairbank & Goldman, 2010: 376). Частичная форма индивидуализма затем постепенно проникла в общество. В качестве иллюстрации, Чэнь Дусю, основатель Коммунистической партии Китая (КПК), начал издавать журнал «Новая молодежь» (xin qingnian) в 1915 г. Интеллектуалы начали собираться в учебные группы, клубы или общества, чтобы лучше распространять свои идеи в обществе. Самой известной организацией была та, что основана Мао Цзэдуном и Цай Хэсэнем в 1918 г., «учебная группа нового китайского человека» (xinmin xuehui) (Cheng, 2009).

Движение 4 мая 1919 г. (сиу юньдун) довело это реформистское движение до своего апогея. Лидерами были в основном интеллектуалы, получившие образование в Японии, проницаемые для идей мыслителей Просвещения и, для некоторых, для марксистской идеологии. Полные национализмом, они защищали свои идеи о науке и демократии, осуждая при этом конфуцианскую мысль и связи, навязанные традиционной семейной системой. Они также защищали «индивидуальное самовыражение и даже сексуальную свободу». По словам историков Фэрбэнка и Голдмана, в то время «романтический индивидуализм и самораскрытие в работе некоторых пионеров, акт ведения повествования от первого лица или самовыражения в стиле дневника, все это было довольно шокирующим перед лицом строго конфуцианской морали» (Фэрбэнк и Голдман, 2010: 390–91) (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57216-6_2).

Таким образом, истоки процессов индивидуализации человека в современном Китае лежат как в историко-культурных особенностях китайского традиционного общества, так и

в специфической китайской модернизации первой трети XX в. С одной стороны, традиционное общество Китая было ориентировано на очень большие семейные сообщества, где первенство принадлежало отцу и линии отца, с другой стороны, интеллектуалы, создававшие китайские модернизм и национализм, были ориентированы на европейские и японские модели. Проблема автономии личности по отношению к семье и к государству в домаоистском Китае была особенно острой. Именно проект создания нового человека, «нового китайца» вдохновлял первых националистически ориентированных коммунистов.

3 Личность и коллектив в маоистском Китае

«До того, как коммунисты пришли к власти в Китае, Мао в трех эссе сформулировал свою идею революционной модели и идеального типа гражданина, который понадобится КНР для построения нового Китая (Мао, 2001). Он использует простой язык и яркий стиль, который мобилизует образы персонажей-моделей. Таким образом, он описывает людей, которые нужны КПК: «Мы должны воспитать много людей — таких людей, которые являются авангардом революции, которые обладают политической дальновидностью, которые готовы к битве и жертвам, которые честны, преданны, позитивны и честны; таких людей, которые не ищут личной выгоды, а только национального и социального освобождения и целеустремленности перед лицом трудностей; таких людей, которые не являются недисциплинированными и не любят быть в центре внимания, но практичны и твердо стоят на земле. Если в Китае будет много таких людей, задачи китайской революции могут быть легко выполнены» (Chen, 1970). Столь же ярко он изображает, начиная от персонажей с «образцовыми» действиями, образы кадрового состава КПК, солдата и крестьянина, которые нужны стране для возрождения.

Маоистский период (1949–1976), характеризующийся монополией государства на политическом, экономическом и социальном уровнях, еще больше отмечен инструментализацией образцовых фигур. Эти кампании «реформы мышления» имели две основные цели: с одной стороны, социализировать людей в соответствии с политической мыслью Мао, стирая идеологические и культурные отпечатки традиционного Китая и заменяя их новыми. Эта политическая ресоциализация была необходима режиму для контроля и мобилизации населения при реализации новой социально-экономической политики. С другой стороны, речь шла о продвижении коллективизма как морального принципа и как ориентира в жизни людей и искоренении индивидуализма (Cheng, 2009).

Система свободного рынка труда была заменена контролируемой государством плановой экономической системой, в которой частные компании постепенно

ликвидировались. В городских районах государство стало обязанностью распределять каждому работу в рамках рабочей единицы, даньвэй. Рабочая единица регулировала все аспекты жизни людей: она не только предоставляла пожизненную работу, жилье, медицинское обслуживание, пенсионное пособие, но и финансировала образование детей своих рабочих, следила и контролировала рабочих и их семьи через «систему политических файлов» (Bray, 2005; Lü & Perry, 1997). Таким образом, центральное правительство использовало воспитание людей в духе коллективизма, «чтобы подавить индивидуальные предпочтения в поиске карьеры, даже в выборе места жительства, подчиняя людей экономическим потребностям партии и правительства» (Bray, 2005: 74–75). Целью таких кампаний было продвижение коллективистских и социалистических ценностей в противовес индивидуализму и постановка интересов нации выше индивидуальных предпочтений.

Социальные отношения пытались переосмыслить. Они больше не должны были быть сосредоточены на индивидуумах и их семейной группе, а на отношениях между индивидуумами и партией-государством. Индивидуумы были призваны переосмыслить себя, чтобы определять себя не столько по своей семейной принадлежности, сколько по гражданству и классовому статусу. С 1952 г. партия-государство начала структурировать население по классам. Jiejí означает «класс», а chengfen — «составной элемент», каждый классовый статус (jiejí chengfen) был связан с определенными правами и престижем. Существовало более 60 обозначений, и «каждый китаец знал свое собственное. Во всех его бумагах и во всех файлах, которые его касались, упоминание его классового статуса было обязательным» (Billeter, 1987: 143–44). Классовые статусы были наследуемыми. Они напрямую влияли на место индивидуумов в обществе, их отношения с партией, амбиции, которые они могли «законно питать в политической или профессиональной сфере [...] и] возможности социального продвижения [их] детей» (Billeter, 1987: 144). Эта система, которая преобладала как в городских, так и в сельских районах, имела детерминистическую власть над жизненным путем индивидуумов и всеми их социальными связями. Устанавливая принцип наследственности классового статуса, который был определяющим фактором в распределении политических, социальных и экономических ресурсов, партия-государство тем не менее — вопреки своим политическим амбициям — способствовала на уровне индивидуальных практик поддержанию связи между индивидуумом и его семейной группой.

В сельской местности динамика была такой же. Народные коммуны вводились в три этапа, чтобы окончательно стать обязательными к лету 1958 г. Постепенно вводилась новая коллективная социальная организация: «многие аспекты частной жизни, такие как

приготовление пищи и прием пищи, воспитание детей, купание, пошив одежды и уход за пожилыми людьми были [...] коллективизированы [...]. Наиболее заметной формой такой коллективной жизни была бесплатная еда в общественных столовых, созданных в каждой деревне» (Чэн, 2009: 81). Целью партии-государства было заменить семью, традиционную социальную организацию, народной коммуной, чтобы устранить идею частной собственности в умах сельского населения и вместо этого культивировать социалистическую и коммунистическую мысль. Несмотря на сильную политическую волю, важно отметить, что этот проект не был полностью успешным в том смысле, что семейная группа оставалась важным социальным институтом в сельской местности.

В маоистский период партия-государство никогда не прекращала мобилизовать и создавать различные героические фигуры и модели для формирования «новой китайской женщины» и «нового китайского мужчины». Сян Сюли (рис. 3) и Лэй Фэн (рис. 4) воплощают, например, революционные добродетели. Они были образцовыми товарищами в своих повседневных действиях. Пропаганда подчеркивает их дух взаимопомощи, товарищества, преданность идеям Мао или даже бережливость их образа жизни. Пропагандистские плакаты показывают их готовность пожертвовать своей жизнью ради общества и революционного дела.

Рис.3 Сян Сюли (向秀丽) бросила вызов огню и пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти машины и текстильное производство своего рабочего подразделения в Гуанчжоу. Источник изображения: BG E15/775, коллекция Ландсбергера, <https://chineseposters.net/themes/xiangxiuli>

Сян Сюли родилась в 1933 г. в бедной рабочей семье в Гуанчжоу. Она работала на фармацевтической фабрике. В декабре 1958 года на ее рабочем участке вспыхнул пожар. Из-за наличия горючего натрия пламя быстро распространилось. Согласно партийной версии, она храбро боролась с огнем, получив серьезные ожоги, чтобы спасти своих товарищей и фабрику. Она умерла 33 дня спустя (Мин и др., 2003: 162).

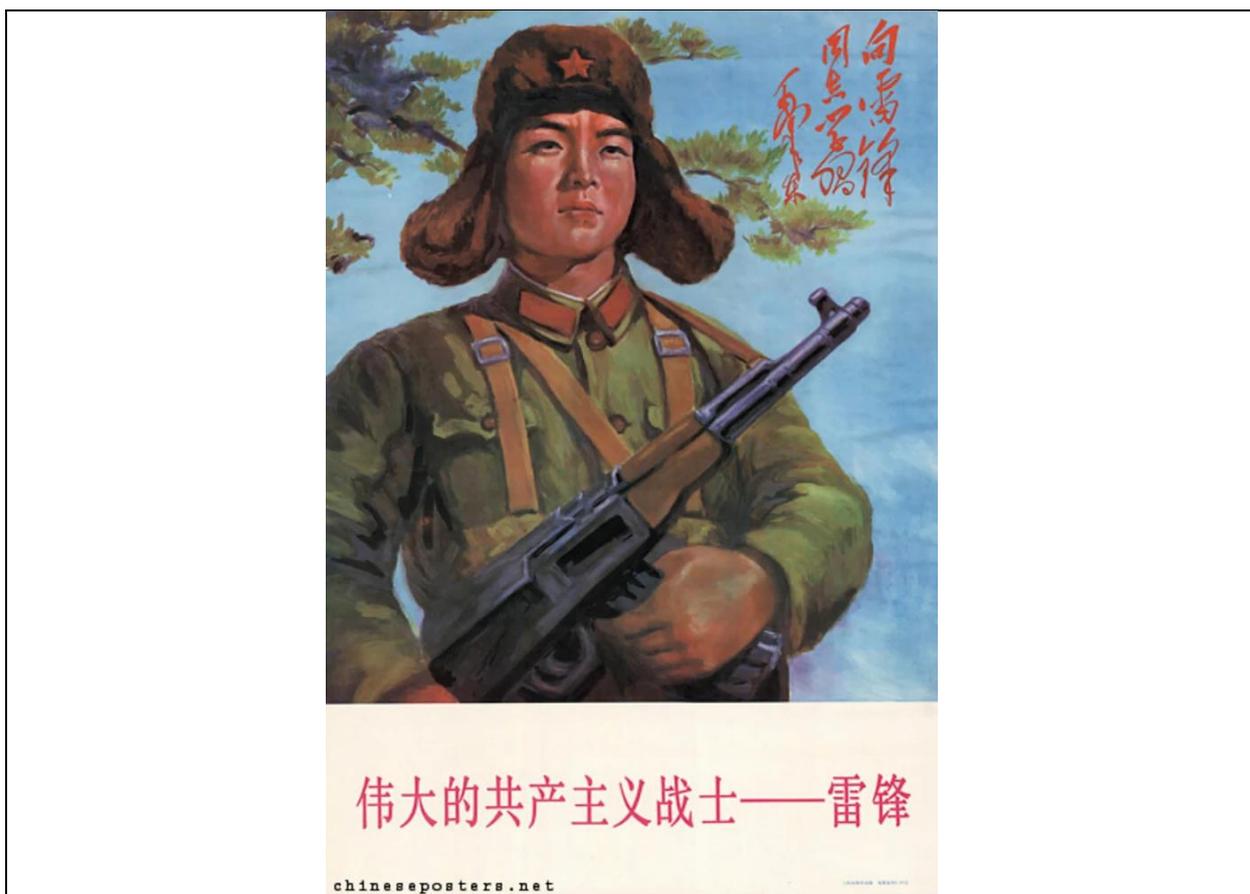

Рис.4 «Учитесь у товарища Лэй Фэна». Источник изображения: BG E13/428, коллекция Ландсбергера, <https://chineseposters.net/themes/leifeng-3>)

Власти не только использовали плакаты для распространения этих «образцовых» моделей поведения, но и организовывали групповые собрания и массовые митинги, на которых граждане нового Китая должны были учиться на поведении этих моделей, стараться жить и работать, как они. Для достижения этой цели партийное государство выставило, например, плакаты, на которых был изображен Лэй Фэн, солдат и водитель Народно-освободительной армии Китая (НОАК), совершающий добрые дела и призывающий население делать то же самое. Лэй Фэн родился в 1940 г. в бедной сельской

семье в провинции Хунань. Согласно партийной версии, он стал сиротой в возрасте 7 лет. В конце 1950-х гг. он стал трактористом, водителем бульдозера, а затем водителем грузовика на заводе. Лэй Фэн погиб в августе 1962 г. в результате несчастного случая при выполнении транспортного задания. 5 марта 1963 г. национальные газеты Китая опубликовали изображения и посвящение Мао: «Учитесь у товарища Лэй Фэна» (рис. 4). Позже появились и другие лозунги, такие как: «Учитесь у образцовой культуры Лэй Фэна. Служите народу всем своим сердцем» или «Жизнь отдельных людей ограничена, но служение народу не имеет предела. Ради блага народа изучите все аспекты поведения Лэй Фэна». Лэй Фэн сравнил бы свою преданность партии с любовью матери к своему ребенку: «Я как младенец, а партия как моя мать, которая помогает мне, ведет меня, учит меня ходить... Моя любимая партия, моя любящая мать, я всегда твой верный сын» (Чэн, 2009: 93–94).

Наряду с мобилизацией героических личностей, партия-государство создавала коллективные модели. Например, производственная бригада Дачжай в провинции Шаньси была представлена как модель развития села. На одном из плакатов, связанных с этой бригадой, мы можем прочитать, написанное на плотине: «Фермеры изучают [модель] Дачжай» (рис. 5). Наверху плотины красными чернилами написано: «Учитесь двигать горы, чтобы изменить Китай», потому что Народная коммуна достигла больших урожаев «несмотря на бесплодный горный ландшафт и самые примитивные условия жизни и ведения сельского хозяйства» (Мин и др., 2003:164).

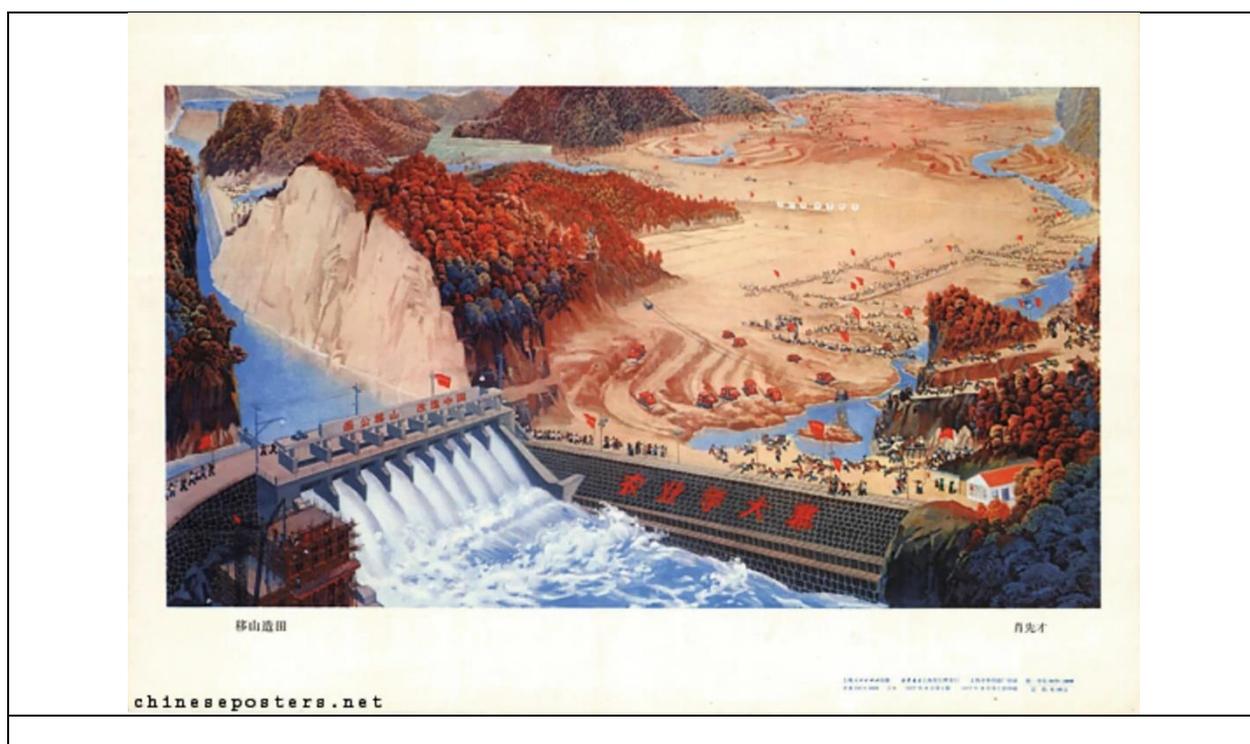

Рис.5 «Научитесь двигать горы на примере Дачжая». Источник изображения: BG D25/30, коллекция Ландсбергера, <https://chinese posters.net/posters/d25-30>

В 1964 г. Мао Цзэдун призвал нацию «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая!». На плакате ниже написано: «Объединяйтесь и боритесь, чтобы учиться у Дачжая, усердно трудитесь и меняйтесь, чтобы выиграть урожай» (рис. 6).

Рис.6 Рабочие и крестьяне рука об руку борются за хороший урожай. Источник изображения: BG E15/537, коллекция Ландсбергера, <https://chinese posters.net/posters/e15-537>

В маоистском Китае партия-государство создала «организованную зависимость» индивидуумов от коллектива. Индивидуумы были социально-экономически зависимы от рабочей единицы или коммуны, к которой они принадлежали, политически зависели от государственной организации и лично зависели от кадров КПК. Контроль, осуществляемый коллективом над индивидуумом, привел к стандартизированным биографическим траекториям среди людей, родившихся в 1950-х гг., другими словами, тех, кто вырос в маоистском Китае. План партии-государства по преобразованию общества глубоко проник в семейную сферу. «Традиционная» семейная организация, межпоколенческая солидарность и конфуцианская этика были осуждены как феодальные практики; в то время

как свобода выбора супруга в браке, а также гендерное равенство были поддержаны государством (Yan, 2003a, b).

В маоистском Китае, на поверхности, индивиды были встроены в коллективистское общество: «индивид почти полностью утратил свою свободу и автономию, поскольку он/она даже не мог/могла выбирать, где работать или жить, не говоря уже о том, к какой социальной или политической группе он/она будет принадлежать»; однако, как это ни парадоксально, социалистическая кампания по «созданию нового китайца» позволила в некоторой степени, на более глубоком уровне, индивиду освободиться от традиционных социальных связей (семьи, семейной группы, общины), а также от традиционных патриархальных и конфуцианских норм и ценностей. Влияние этой эмансипации было особенно сильным для женщин, которые находились в социальном подчинении в организации, преобладавшей в домаоистском Китае.

Маоистский Китай характеризуется глубокой модификацией экономических, социальных и институциональных структур. Этот период отмечен укреплением государства всеобщего благосостояния, поскольку биографические траектории и риски берут на себя либо рабочая группа, либо коммуна. Однако социальные нормы в этот период поощряют относительное освобождение людей от «традиционных» ролей и ограничений благодаря экономической и социальной поддержке, оказываемой институтами. Интеллектуальный проект создания «нового китайского человека» для модернизации страны не начался в маоистский период. Однако до основания КНР этот проект оставался на стадии идеи. Чтобы реализовать его, недавно наделенное полномочиями Партия-государство, не колеблясь, атаковало центральный столп социальной и экономической организации китайского общества: институт семьи. Провозгласив закон о браке в 1950 г., КПК стремилась устранить неравенство прошлого: «освободить женщин от ига феодализма, установив новый семейный режим на либеральной основе. [...] реорганизация института брака и семьи нападает на основы традиционного китайского общества, в котором всемогущий глава семейной ячейки защищает влияние партии на индивидов: их эмансипация требует, чтобы традиционные структуры были сначала разрушены, а посреднические рамки устранены» (Blayo, 1998: 20). Этот закон направлен на освобождение брака от контроля семьи путем установления свободного выбора супругов, свободного согласия на брак, равных прав для мужчин и женщин и права на развод. В конечном счете этот закон переопределяет брак «как общественный договор, а не пакт между двумя семьями» (Blayo, 1998 :21).

В том же году был принят закон об аграрной реформе, а несколько лет спустя политика коллективизации и система рабочих единиц также способствовали освобождению

людей от традиционных форм социальной организации и расширению прав и возможностей различных социальных сфер. Тем не менее, взаимозависимости внутри общества оставались тесными и осуществляли строгий контроль над личностью.

Следует отметить, что, хотя маоистская политика способствовала частичному отрыву людей от «традиционных» солидарностей, она одновременно перестраивала их в новые формы социальных связей. Браки, например, освобожденные от контроля семьи, отныне подчинялись контролю партии, и то же самое касается разводов, поскольку партийные чиновники имели полномочия принимать решения по семейным делам.

Коммуны и рабочие подразделения, опирающиеся на маоистские институты, в какой-то степени заменили «традиционные» общественные солидарности. Через политический проект по построению «коллективистского» общества партия-государство навязывала роли, нормы, статус и идентичности отдельным людям. Аналогичным образом она производила общие фигуры, такие как рабочий или студент. В целом бюрократия, рожденная этим политическим проектом, была парадоксальным образом как безличной, так и индивидуализирующей» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57216-6_2).

Таким образом, маоистский Китай характеризуется своеобразной диалектикой социальных отношений, связанных с противоречивым взаимодействием индивида и общества. Здесь создаются новые формы коллективистских отношений, первичные по отношению к любому индивиду. Одновременно задачей экономического, социального, культурного развития Китайской Народной Республики правящая коммунистическая партия провозглашает т.н. «нового человека», освобожденного от прежней эксплуататорской зависимости. Создают многочисленные героические образы новых молодых китайцев, которые своими персональными подвигами служат новым трудовым коллективам. Эмансипация женщин связана с новыми правовыми отношениями в браке, различные традиционные социальные формы контроля заменяются партийным контролем за всеми сферами жизни как одного человека, так и сообществ.

4. Рост индивидуализма в постмаоистском Китае

«Переход Китая к рыночной экономике не только либерализовал экономику, но и постепенно трансформировал – или даже устранил – некоторые социальные ограничения, привязывавшие людей к определенному образу жизни. Этот период перехода и реформ также позволил расширить диапазон выбора для людей.

С конца 1970-х гг. старые члены Коммунистической партии Китая, пережившие Великий поход, в частности Дэн Сяопин, вернулись к власти с целью преобразования страны на социально-экономическом уровне. С этой целью они взяли снова

сформировать «нового китайца», который все еще будет подчиняться партии-государству политически, но будет освобожден на экономическом и социальном уровнях. У них было два важных актива для достижения своих амбиций и проведения экономической и социальной реформы общества: грамотное и здоровое мужское и женское население (в результате инвестиций маоистского периода в эти области) и люди, стремящиеся выразить свою индивидуальность. Это последнее измерение очевидно в историческом пути реформ.

Согласно официальной историографии, реформы начались в китайской деревне. Зимой 1978 г., опасаясь надвигающегося голода и пока память о катастрофе, последовавшей за Большим скачком, была еще свежа в памяти, 18 домохозяйств в деревне Сяоган в провинции Аньхой решили при поддержке местных чиновников свободно распоряжаться своей сельскохозяйственной продукцией, заплатив причитающийся правительству налог и предоставив ему законную квоту на зерно. В следующем году, похоже, сельскохозяйственное производство этой деревни выросло, в то время как в других местах тенденция была в лучшем случае стагнацией. Другие деревни в уезде решили бы последовать примеру (Kelliher, 1992; Oi, 1989; Roux, 2006). Центральное государство не только закрыло бы глаза на такие инициативы, но и, учитывая их эффективность на местном уровне, решило бы применить их на национальном уровне в 1980-х гг., введя «систему ответственности домохозяйств». С этого момента крестьянам больше не нужно было производить продукцию в соответствии с директивами, они могли свободно принимать решения о своем сельскохозяйственном производстве и продавать излишки на местных рынках или в городах. Если деколлективизация в сельской местности началась в начале 1980-х гг., то только в 1985 г. народные коммуны были полностью расформированы, а деревенская жизнь «дерегулирована» (сонбан). Эти реформы позволили сельской местности постепенно отстранять людей от коллектива, другими словами, от народной коммуны. В то время первичный сектор представлял собой наиболее динамичный сектор экономики. В начале 1980-х гг. 80% населения Китая все еще проживало в сельской местности.

Дэн Сяопин и реформаторы «перешли реку, нащупывая камни». Прагматичные, они осторожно распространили реформы на городские районы. Первоначально правительство закрывало глаза на развитие неформальной экономики в городах, что было результатом как крестьян, живущих на городской периферии и приезжающих продавать часть своего урожая в город, так и молодых городских жителей, не желающих возвращаться в деревню, где их должны были перевоспитать крестьянские массы (Боннин, 2004 ; Пэн, 2009). Партия-государство неоднозначно отнеслось к возрождению этих видов деятельности (уличных торговцев): «с одной стороны, они представляли реальную угрозу социалистической

плановой экономике, но с другой стороны, они также помогли партии-государству решить проблему растущей безработицы и снижения экономического роста» (Янь, 2010 :496). После десятилетия культурной революции (1966–1976), страна была парализована как экономически, так и политически. Недовольство городского населения проявилось в забастовках, прогулах и объединении молодежи в банды (De Beer & Росса, 1995). Центральное правительство, опасаясь сильного сопротивления со стороны городского населения, посчитало предпочтительным подождать до 1984 г., прежде чем применять политику реформ и открытости в городских районах.

В прагматичном подходе, направленном на поддержание как можно большей стабильности, центральное правительство изначально открыло «карманы» в системе плановой экономики, в которые могли проникнуть отдельные лица и использовать возможности для увеличения своего дохода. В этой двойной системе (шуангуйчжи), где сосуществуют плановая экономика и «свободный» рынок, государственные предприятия постепенно производили часть своей продукции «вне плана». Возникли «индивидуальные промышленные и коммерческие домохозяйства» (гэти гуншан ху), а с 1988 г. также развивались частные предприятия. На улицах страны возродились мелкие местные предприятия, уличные торговцы и мелкие ремесленники, за которыми центральное правительство признает «незаменимую пользу для улучшения условий жизни народа» (Резолюция, принятая третьим пленумом XII съезда КПК в 1984 году, цитируется в Monteil, 2010 :104).

Открытие страны для рыночной экономики не было линейным и не встретило сопротивления внутри правительства. Де Бир и Рокка приписывают «неровный, синусоидальный» характер политике реформ, а Мари-Клер Бержер говорит о зигзагообразной политике (Бержер и др., 1990; Де Бир и Рокка, 1995). Эти реформы — институциональные, экономические и социальные изменения — инициированные центральным правительством, которые позволили повторно ввести частично свободный рынок труда в Китае, также предписывали людям освободиться от маоистской системы зависимости.

Начиная с 1992 г. реформы были возобновлены и углублены. Главной целью было социально-экономическое развитие нации. Формула Дэн Сяопина символизирует дух этого периода: «Неважно, белая кошка или черная, если она ловит мышей, это хорошая кошка». Эта вторая фаза реформ (1992–2023) характеризовалась резким отступлением государства всеобщего благосостояния в Китае и возросшей подверженностью людей социально-экономическим рискам. Партия-государство взяла на себя трудную задачу: демонтаж государственных предприятий. К середине 1990-х гг. 40% работников были уволены (почти

50 миллионов человек оказались без работы). Переход был ошеломляющим. Эти работники, которым затем была гарантирована пожизненная работа (tiefanwan) и которые были включены в систему защиты и социальных отношений рабочего подразделения, внезапно стали нести ответственность за свой жизненный путь. Их призвали искать работу самостоятельно, менять работу при необходимости и переезжать в поисках новых профессиональных возможностей. В 2003 г. 80% работающего населения Китая работали в частном секторе, тогда как 20 лет назад этот сектор не существовал (Naughton, 2007).

Это институционализированное отсоединение индивидов, как от коммун, так и от рабочих подразделений, является частью национального проекта «социетизации», который направлен на предоставление большей автономии индивидам. Реформы, «освобождая» экономику и индивидов от опеки социалистического государства, без желания повторно встроить индивидов, оказали уникальное влияние на динамику процесса индивидуализации в Китае. Они создали новые возможности и рост доходов для некоторых, но ухудшение условий жизни для других (Уайт, 2010). С исчезновением народных коммун и демонтажем рабочих подразделений государство всеобщего благосостояния, унаследованное от маоистского периода, было разбавлено. У индивидов не было выбора, кроме как интернализировать негативные внешние эффекты экономической либерализации; а именно, либерализацию рынка труда, либерализацию цен в секторах здравоохранения, образования, жилья и продуктов питания (секторах, которые ранее находились в ведении коллектива). Доступ к этим ресурсам стал обязанностью индивидов и весьма конкурентоспособным на протяжении многих лет.

После этих различных социальных, экономических и институциональных реформ люди постепенно освободились на социальном и экономическом уровнях, но не на политическом уровне, от ограничений маоистских институтов, которые контролировали и обуславливали этапы их жизненного пути. Поэтому сегодня процесс индивидуализации в Китае следует своей собственной временной шкале и принимает особую форму: он «ограничен и контролируется государством» (Бек и Бек-Гернсхайм, 2010). Сохраняя сильный контроль над политической и экономической сферами, партия-государство призывает людей нести ответственность за успехи и неудачи в своих биографических траекториях. С помощью риторических усилий продвигаются индивидуальные действия и «биографии, созданные своими руками», что имеет побочный эффект переноса ответственности за риски на людей. В этой книге индивидуализация понимается как сложный процесс. Учитывая, что в Китае этот процесс остается частичным, и потому что социальная политика и правовые положения производят разные уровни индивидуализации в зависимости от областей жизненного пути. Более того, дискурс о качестве населения

(suzhi renkou) способствует поддержке индивидуализации на рынке труда, а также омолаживает семейные обязательства и солидарность, а не разбавляет их. Эти две динамики одновременно разворачиваются и взаимодействуют друг с другом» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-57216-6_2).

Современное китайское общество, чья история начинается с политики реформ и открытости, инициированных Дэн Сяопином и группой коммунистов, которые поддержали его концепцию «китайского социализма», характеризуется большим ростом индивидуализации, которая связана с процессами демонтажа прежних коллективных структур, в том числе, народных коммун, рабочих коллективов и контролирующих их партийных структур. Базовые процессы социальной индивидуализации в Китае имеют значительное своеобразие. С одной стороны, партийный контроль за политической и экономической жизнью здесь не ослабевает, а с другой стороны, партийно-государственная идеология основывается сегодня на призыве к персональной ответственности за собственное благополучие и за качество своего экономического, человеческого, социального и символического капиталов. Процесс индивидуализации в Китае имеет яркую специфику, связанную как с китайскими культурными особенностями, укоренными в истории, так и с правящей ролью Коммунистической партии Китая, которая управляет этим процессом как идеологически, так и с помощью разнообразных форм партийного и государственного контроля.

Вывод

Индивидуализация, будучи закономерным процессом социализации, характерным для модерна, в современном Китае имеет значительную специфику. Домаоистский Китай был ориентирован на хорошо известные традиционные формы социальных групп, прежде всего, на большую патриархальную семью. Однако и в этом период существовали и развивались определенные формы индивидуализации. Данные формы начинают обособляться и развиваться в первой трети XX в. с опорой на примеры стран Европы и Японии в среде китайских социалистов и коммунистов этого периода. В маоистский период процессы также разнонаправлены. С одной стороны, провозглашается разрыв со старыми формами социально-экономических отношений, с другой стороны, партия-государство создают крепкие и устойчивые новые коллективные структуры, над которыми устанавливается полный партийно-государственный контроль. При этом формируется культ индивидуального героизма человека труда и человека-воина. Но и этот героизм ориентируется на достижение коллективного блага, на полную самоотдачу себя, своей жизни для реализации целей трудящихся сообществ.

Будучи специалистами в области исследований скрытых форм социального неравенства, Сандра В. Константин полагает, что современные процессы индивидуализации в Китае способствуют появлению новых форм социального неравенства, имеющих достаточно большую китайскую специфику, обусловленную как историей Китая, так и сохраняющимися формами партийно-государственного контроля за базовыми социально-экономическими и политическими процессами в своей стране. Одновременно, принципы принятия персональной ответственности и персональных рисков за успешность того или другого индивида сегодня являются основой лозунгов и партийной идеологии в Китае. Это еще больше отделяет китайские процессы социализации и модернизации от тех, что были характерны для стран Европы и Америки соответствующих периодов их развития. Можно предположить, что социальная стратификация Китая имеет отличительные особенности, которые не характерны для других стран и сообществ.

Список литературы

- Aron R. *Le marxisme de Marx*. – Calmann-Lévy, 2023.
- Bauman Z. *The individualized society*. – John Wiley & Sons, 2013.
- Beck U. *La société du risque: sur la voie d'une autre modernité*. – 2001.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. *Foreword: Varieties of individualization //iChina: the rise of the individual in modern Chinese society*. – 2010.
- Beck U., Grande E. *Varieties of second modernity: The cosmopolitan turn in social and political theory and research //The British journal of sociology*. – 2010. – V. 61. – №. 3. – P. 409-443.
- Bergère M. C., Bianco L., Domes J. *La Chine au XXe siècle: D'une révolution à l'autre (1895-1949)*. – 1990.
- Billeter J. F. *Le système des " Statuts de classe" en république populaire de chine //Revue Européenne des sciences sociales*. – 1987. – V. 25. – №. 76. – P. 141-197.
- Blayo Y. *Des politiques démographiques en Chine*. – INED, 1997. – V. 137.
- Bonnin M. *Lost Generation. The Movement of Sending Educated Youth to the Countryside in China, 1968–1980*. – 2004.
- Bray D. *Social space and governance in urban China: The danwei system from origins to reform*. – Stanford University Press, 2005.
- Cheng A. *Histoire de la pensée chinoise*. – Média Diffusion, 2015.
- Cheng Y. *Creating the new man: From Enlightenment ideals to socialist realities*. – University of Hawaii Press, 2008.

Constantin S. V. A Life Course Perspective on Chinese Youths: From the Transformation of Social Policies to the Individualization of the Transition to Adulthood. – Springer Nature, 2024. –178 p.

Constantin S. V. Reforms, individualisation and informal employment in urban China //Workers and the global informal economy. – Routledge, 2016. – P. 67-88.

Corcuff P. La question individualiste. – Le Bord de l'eau, 2003. – 96 p.

De Beer P., Grimal J. C., Rocca J. L. La Chine à la fin de l'ère Deng Xiaoping. – FeniXX, 1997.

De Singly F., Martuccelli D. Les sociologies de l'individu: Sociologies contemporaines. – Armand Colin, 2009.

Dikotter F. La Chine au XX siècle. De 1949 a'aujourd'hui //The English Historical Review. – 1994. – V. 109. – №. 432. – P. 816-817.

Ehrenberg A. L'individu incertain. – Calmann-Lévy, 2014.

Elias N., Etoré J., Chartier R. La société des individus. – 1991.

Fairbank J. K. La grande révolution chinoise, 1800-1989. – Flammarion, 1997.

Fei X., Hamilton G. G., Zheng W. From the soil: The foundations of Chinese society. – Univ of California Press, 1992.

Furlong A., Cartmel F. Young people and social change. – McGraw-Hill Education (UK), 2006.

Giddens A. et al. Living in a post-traditional society //Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. – 1994. – V. 56. – 100 p.

Grossetti M. Note sur la notion d'encastrement //SociologieS. – 2015.

Hansen M. H., Svarverud R. i China: The Rise of the Individual in Modern Chinese Society //Philosophy East and West. – 2013. – T. 63. – №. 2.

Hsu F. L. K. Under the ancestors' shadow. – 1948.

<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-57216-6#toc>

Huang P. C. Liang Ch'i-ch'ao and modern Chinese liberalism. – 1972.

Kelliher D. Peasant power in China: The era of rural reform, 1979-1989. – Yale University Press, 1992.

King A. Y. C. The individual and group in Confucianism: A relational perspective. – 1985.

Kohli M. The institutionalization of the life course: Looking back to look ahead //Research in human development. – 2007. – V. 4. – №. 3-4. – P. 253-271.

Koptseva, Np. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation / Np. Koptseva, V. I. Kirko // Life Science Journal. – 2014. – Vol. 11, No. 7. – P. 180-185. – EDN SCKAJF.

- Lash S. Individualization in a non-linear mode //Individualization: Institutionalized individualism and its social and political consequences. – 2002.
- Le Bart C. L'individualisation. – Les Presses de Sciences Po, 2008.
- Lü X., Perry E. J. Introduction the Changing Chinese Workplace in Historical and Comparative Perspective //The Danwei. – Routledge, 2015. – P. 3-17.
- Mao Z. Selected works of Mao Tse-tung. – Franklin Book Company, 1977.
- Mayer, K. U., & Schoepflin, U. (2009). The state and the life-course. In W. R. Heinz, J. Huinink, & A. Weymann (Eds.), *The life-course reader. Individuals and societies across time* (pp. 121–138). Campus Verlag.
- Min, A., Duo, D., & Landberger, S. R. (2003). *Chinese propaganda posters*. Taschen.
- Monteil, A. (2010). *Emploi Informel et Gestion des Inégalités Sociales En Chine Urbaine. Les Politiques de Promotion de “l’emploi Communautaire” Parmi Les “Groupes Vulnérables” à Chengdu (2006–2009)*. Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales.
- Naughton, B. (1995). *Growing out of the plan: Chinese economic reform (1978–1993)*. Cambridge University Press.
- Naughton, B. (2007). *The Chinese economy. Transitions and growth*. Massachusetts Institute of Technology.
- Oi, J. C. (1989). *State and peasant in contemporary China. The political economy of village government*. University of California Press.
- Peng, X. (彭希哲). (2009). *2006 China’s informal employment development report: A re-examination of the labor market*. Chongqing Publishing House.
- Roux, A. (2006). *China in the 20th century*. Armand Colin.
- Sang, M. Ahalysis of the current state of graffiti art research in China: a visualization analysis using Citespace knowledge graph Based on CNKI data / M. Sang // *Northern Archives and Expeditions*. – 2024. – Vol. 8, No. 1. – P. 98-110. – EDN ESRXXU.
- Schell, O., & Delury, J. (2013). *Wealth and power. China’s long march to the twenty-first century*. Random House.
- Singly (de), François. (2011). *L’individualisme Est Un Humanisme*. Editons de l’Aube.
- Svarverud, R. (2010). Individual self-discipline and collective freedom in the minds of Chinese intellectuals. In M. H. Hansen & R. Svarverud (Eds.), *iChina. The rise of the individual in modern Chinese society*. Nordic Institute of Asian Studies (NIAS).
- Whyte, M. K. (2010). *One country, two societies. Rural-urban inequality in contemporary China*. Harvard University Press.
- Yan, H. (2003a). Neoliberal governmentality and Neohumanism: Organizing Suzhi/value flow through labor recruitment networks. *Cultural Anthropology*, 18, 493–523.

- Yan, Y. (2003b). *Private life under socialism*. Stanford University Press.
- Yan, Y. (2009). *The individualization of Chinese society*. Berg.
- Yan, Y. (2010). The Chinese path to individualization. *The British Journal of Sociology*, 61, 489–512.
- Асадчих, А. А. Исследовательские подходы к проведению цифровых культурных исследований: аналитический обзор / А. А. Асадчих, Ю. А. Сушинская // *Цифровизация*. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 26-33. – EDN QGYDDK.
- Гамалей, С. Ю. Особенности творчества китайских театров в исследованиях членов «общества русских ориенталистов» (по материалам фонда р 2480 российский государственный исторический архив Дальнего Востока) / С. Ю. Гамалей // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 146-153. – EDN GGVTNU.
- Гамалей, С. Ю. Режиссер Вс. Мейерхольд о творчестве Китайского театра рабочей молодежи (по материалам Ф. 963 - Российского государственного архива литературы и искусства) / С. Ю. Гамалей // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 142-150. – EDN VBPURO.
- Гуанчао, Ю. Влияние русского изобразительного искусства на художественную культуру города Харбина / Ю. Гуанчао // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 111-126. – EDN DTJSTP.
- Дегтяренко, К. А. Научные основы управления вызовами XXI века / К. А. Дегтяренко, Н. О. Пиков // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 31-45. – EDN YWKLCQ.
- Дегтяренко, К. А. Цифровая политика Китая: цифровой образ национального государства / К. А. Дегтяренко, В. И. Кирко // *Цифровизация*. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 8-25. – EDN CRZWMF.
- Жигаева, А. А. Культурные повороты: исследование пространств взаимодействий системы визуального искусства. Посреднический аспект / А. А. Жигаева // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 127-136. – EDN QFDHCD.
- Жигаева, А. А. Культурный поворот как методологический подход при изучении художественной культуры (на примере визуального искусства) / А. А. Жигаева // *Северные Архивы и Экспедиции*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 126-132. – EDN KSLTUF.
- Замараева, Ю. С. Индустрия 4.0 к Индустрии 5.0: концепция Гэри Меткалфа / Ю. С. Замараева, Н. П. Копцева // *Цифровизация*. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 8-40. – EDN TSUIJN.
- Итоги научного семинара "Теории и практики прикладных культурных исследований" 08 декабря 2022 года (Музейный центр "Площадь Мира", Красноярск) в рамках I научно-практической конференции "Сибирское современное искусство" / Н. П.

Копцева, А. А. Ситникова, Е. П. Лисавина [и др.] // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2023. – Т. 2, № 1. – С. 8-35. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-1-8-35. – EDN XTLOER.

Квашнина, Ю. В. Изобретение традиций как социальная технология и культурные практики индустриализации Красноярского края 1960-1980-х гг. / Ю. В. Квашнина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 22-30. – EDN EQBAFM.

Колесник, М. А. Искусственный интеллект в Китае. Обзор 4 Международной конференции по искусственному интеллекту в Китае (Springer, 2023 Г.) / М. А. Колесник // Цифровизация. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 41-56. – EDN VJHQVI.

Колесник, М. А. Искусственный интеллект в сфере культуры и искусства: обзор зарубежных публикаций / М. А. Колесник, А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 59-72. – EDN WEJDDH.

Колесник, М. А. Философские основы цифрового гуманизма / М. А. Колесник, Н. П. Копцева // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 18-34. – EDN DONPLW.

Копцева, Н. П. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичности как философская проблема / Н. П. Копцева, А. В. Кистова // Философия и культура. – 2015. – № 1(85). – С. 12-19. – DOI 10.7256/1999-2793.2015.1.10695. – EDN RKZLCW.

Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.

Копцева, Н. П. Методологические возможности антропологической школы "культура-и-личность" для современных российских социально-культурных исследований / Н. П. Копцева, К. В. Резникова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 388. – EDN ROFXWX.

Король, Н. А. Социокультурные контексты теоретизации постправды как концепта теории культуры / Н. А. Король // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 37-46. – EDN BDNDBL.

Куприянова, А. А. Особенности киноязыка в фильмах визуальной антропологии / А. А. Куприянова // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 27-36. – EDN ZYTPYL.

Лейченко, Н. М. Рецензия на статью Санг-Геол ли июи-Ён ча "Классификация направлений изобразительного искусства посредством использования самоорганизующихся карт Кохонена" / Н. М. Лейченко // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 8-13. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-4-8-13. – EDN XPVEMJ.

Ли, В. «действительно выдающийся китаец». Лю Цзэжун в истории советско-китайских отношений "真正杰出的中国人"。中苏关系史上的刘泽荣 / В. Ли, В. Г. Дацышен // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 86-97. – EDN CAGELE.

Лузан, В. С. Специфика концепта "социальное время" в контексте реализации культурной политики Российской Федерации / В. С. Лузан // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 75-84. – EDN DKUEAP.

Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.

Новое Сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры / Н. П. Копцева, О. А. Карлова, Л. Ма [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 263 с. – (Путь в будущее: Сибирь глазами ученых). – ISBN 978-5-7638-3475-8. – EDN XSSITJ.

Пиков, Н. О. Базовые концепции будущего энергетики / Н. О. Пиков, А. А. Шпак // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 24-37. – EDN KIPTQX.

Сергеева, Н. А. Дайджест новостей в сфере развития искусственного интеллекта / Н. А. Сергеева, Ю. С. Замараева // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 41-51. – EDN PHSONT.

Сергеева, Н. А. Методологические подходы к исследованию визуальной культуры / Н. А. Сергеева // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 37-43. – EDN NCLRXL.

Ситникова, А. А. Образ Китая в творчестве Красноярского художника Сергея Форостовского / А. А. Ситникова, С. Ли // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 87-98. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-4-87-98. – EDN OOZXNN.

Ситникова, А. А. Три картины китайских современных художников городского округа Хулунбуир (автономный район Внутренняя Монголия) / А. А. Ситникова, С. Ли // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 118-129. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-118-129. – EDN ZGDPUB.

Тарасова, М. В. Образовательные возможности произведения искусства стилового пространства ареаклассицизм (на материале анализа произведений искусства второй половины XX века) / М. В. Тарасова, П. Р. Нечаева // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 1-17. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-1-01-17. – EDN SEZEVJ.

Теория и практика прикладных культурных исследований: региональный проект: Коллективная монография / Н. П. Копцева, А. А. Семенова, К. В. Резникова [и др.]. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2013. – 224 с. – ISBN 978-5-904745-22-6. – EDN SPRIDX.

Тодикова, М. А. Внутренняя политика Китая в Синьцзяне: история и современность / М. А. Тодикова, В. В. Никуленков // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 12-17. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-3-12-17. – EDN WHDTAZ.

Шпак, А. А. Будущее сферы труда для научно-технологического развития региона: тенденции, концепции, технологии, направления исследования / А. А. Шпак, Р. А. Барышев // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 9-18. – EDN ROUKGT.

Шпак, А. А. Концепция «третьей культуры» Штефана Бруннхубера: влияние искусственного интеллекта на общество и познание в XXI веке / А. А. Шпак, В. И. Кирко // Социология искусственного интеллекта. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 21-33. – EDN OVDTML.

Шпак, А. А. Этика искусственного интеллекта для целей устойчивого развития: концепция Б. К. Шталя, Д. Шредер и Р. Родригес / А. А. Шпак, В. И. Кирко // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 20-30. – EDN FGIVLY.